

A. E. Астафьев, E. С. Богданов

Древний город на восточном берегу Каспийского моря

Keywords: Eastern Caspian region, Sassanian epoch, Karakabak, The Great Silk Road, Khwarezm, urban settlement, built of mud bricks, easel dishes

Cuvinte cheie: Regiunea Caspicului de Est, epoca Sasanizilor, Karakabak, Marele drum al mătășii, Horezm, așezare de tip orășenesc, construcții din cărămizi nearse, vase la roată

Ключевые слова: Восточный Прикаспий, эпоха Сасанидов, Каракабак, Великий шелковый путь, Хорезм, городское поселение, сырцовые постройки, станковая посуда

A. E. Astafiev, E. S. Bogdanov

An Ancient City on the Eastern Coast of Caspian Sea

This article is devoted to preliminary studies of the Karakabak site. This is the only one urban-type settlement used as a trade and handicraft center in the Aral-Caspian region during 3rd—5th centuries AD on the northern branch of the Silk Road. Different types of ceramics (handbuilt and made with the help of a potter-wheel), metal objects and waste products of metal production, coins, glass personal ornaments, bones of birds, fishes and other animals were discovered during investigation of three homestead-type buildings and dumps. The results obtained allow us to clarify chronological boundaries of occupation and the status of the settlement, and to include the east coast of the Caspian Sea into the group of sites used to create connections between nomad populations from the Transvolga territory and the south Urals on the one hand and western regions of Middle Asia on the other. The way of land-planning, presence of streets, abundance of evidence corresponding to different types of activities, and presence of the strong construction (the wall 500 m long and the moat) indicate the urban status of Karakabak. Besides, the data concerning specificities of houses construction with use of stones and mudbricks was obtained for the first time.

A. E. Astafiev, E. S. Bogdanov

Oraș străvechi pe malul de răsărit al mării Caspice

Studiul este dedicat rezultatelor prealabile ale cercetărilor sitului Karakabak. Aceasta este unica cunoscută la moment așezare de tip orășenesc în regiunea Aral-Caspică, care exista ca un mare centru comercial-meșteșugăresc în sec. III-V pe traseul ramificației nordice a Drumului mătășii. În rezultatul cercetării teritoriului a trei construcții de tip gospodăresc și a „gunoiștilor” a fost căpătat un material de unicat și expresiv: vase ceramice lucrare la roată și cu mâna de tipuri diferite, obiecte din metal și resturi ale producției metalurgice, o colecție de monede, podoabe din sticlă, oase de animale, păsări și pești, ce ne vorbesc despre rația alimentară a populației străvechi. Aceste date au permis nu numai să stabilim limitele cronologice de existență a orașului străvechi și să determinăm statutul lui, dar au și permis pentru prima oară să includem țărnil de răsărit al Mării Caspice în cercul centrelor, ce întrețineau legătură populației nomade dintre Volga și Preuralul de Sud cu regiunile vestice ale Asiei Centrale. Despre statutul de oraș al Karakabakului ne vorbesc nu numai principiul de amplasare al locuințelor, prezența străzilor, abundența rămășițelor de habitat, dar și existența unei puternice construcții defensive, ce consta din zid și șanț. În timpul săpăturilor, de asemenea, pentru prima oară au fost căpătate date asupra particularităților de construcție a caselor, ce îmbinau principiile de ridicare a pereților, atât din cărămizi nearse, câtă și din piatră.

A. E. Астафьев, E. С. Богданов

Древний город на восточном берегу Каспийского моря

Статья посвящена предварительным итогам исследования памятника Каракабак. Это единственное из известных на сегодняшний момент поселений городского типа в Арало-Каспийском регионе, которое существовало как крупный торгово-ремесленный центр в III—V вв. на трассе северного ответвления Шелкового пути. В результате исследования территории трех построек усадебного типа и «мусорных отвалов» был получен уникальный и яркий материал: станковая и лепная посуда различных типов, изделия из металла и отходы металлургического производства, монетная коллекция, украшения из стекла, кости животных, птиц и рыб, свидетельствующие о рационе древнего населения. Эти данные позволили не только установить хронологически рамки существования древнего города, определить его статус, но и впервые позволили включить восточное побережье Каспийского моря в круг центров, осуществлявших связь кочевого населения Заволжья и Южного Приуралья с западными областями Средней Азии. На городской статус Каракабака указывает не только принцип размещения домов, наличие улиц, обилие остатков жизнедеятельности, но и существование мощного оборонительного сооружения, состоявшего из стены и рва. В ходе раскопок также впервые были получены данные по особенностям строительства домов, сочетающие принципы возведения стен, как из сырцовых кирпичей, так и из камня.

Research work carried out under the Program XII.186.2.1, project №0329-2018-0003 “Historical and cultural processes in Siberia and in nearby territories” ■ Lucrările de cercetare științifică au fost executate în cadrul Programului XII.186.2.1, proiectul nr. 0329-2018-0003, Procesele istorico-culturale în Siberia și teritoriile limitrofe ■ Научно-исследовательская работа выполнена в рамках Программы XII.186.2.1, проект №0329-2018-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

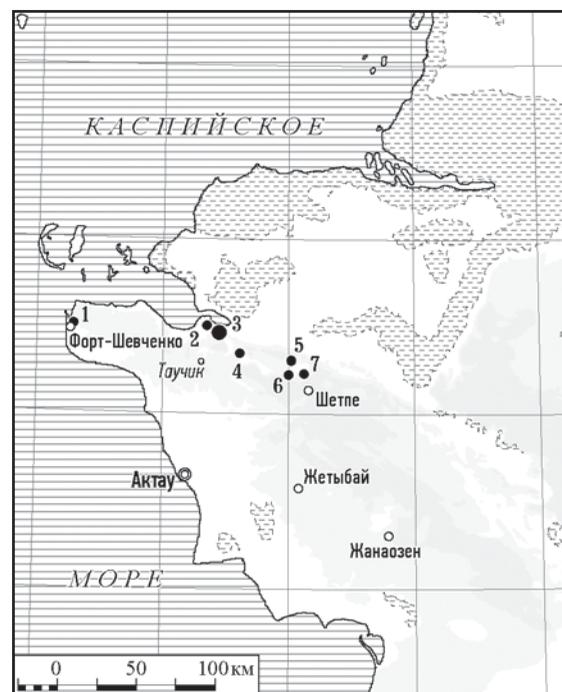
© A. E. Астафьев, E. С. Богданов, 2019.

На торговых маршрутах Великого шелкового пути находилось множество городов, являвшихся частью коммуникационной системы трансрегионального сообщения. Начало активного функционирования «северного пути», идущего от Азовского моря через степи Нижнего Поволжья, Хорезм или северное Приаралье и далее на юго-восток исследователи относят к I в. (Лубо-Лесниченко 1988: 369—371; Скрипкин 2017: 11). В VI в. эта трасса оживляется стараниями тюрко-согдийского посольства в Константинополь (567 г.), возглавленного купцом Маниахом, по причине блокирования сасанидским Ираном транзитной торговли шелком (Лубо-Лесниченко 1988: 372—373). При этом, не имея археологических свидетельств, историки упускают из виду обширную территорию полуострова Мангышлак с удобными морскими гаванями как важную составляющую каспийского торгового сообщения. Так, в X—XIII вв. здесь появляется неприступная крепость, известная в исторических документах под наименованием «Манкашлаг» или «Мангышлак», которая со временем превратилась в большой торгово-ремесленный центр (ныне городище Кызылкала) с выходом на морское побережье в районе современной Тупкараганской бухты (Астафьев 2010: 38—48.). В XIV в. на берегу этой бухты возникает золотоордынское портовое селение Кетиккала (Астафьев, Петров: 2017: 103). Из более поздних источников известно, что пристани северо-восточного побережья Каспийского моря являлись местом масштабных торгов между азиатскими и русскими купцами (Дженкинсон 1937: 174—175; Чулошников 1932: 73—78; Костомаров 2011: 458—60). Однако самое раннее по времени появления поселение (рис. 1) было обнаружено в 2005 году А. Е. Астафьевым в устье большого каньона Каракабак (в различном написании на картах и в других источниках: «Каракавак», «Каракуак»). Первая попытка его датировки на основе подъемного материала отражена на страницах книги «Древние сокровища Устюрта и Мангыстау» (Самашев и др. 2007: 315—316). Стационарные раскопки на памятнике начаты в 2017 году и предварительным результатам этих исследований посвящена данная статья.

Поселение Каракабак располагается в Тупкараганском районе Мангыстауской области Республики Казахстан (рис. 1: 3). Оно занимает часть большого скального останца 720×310 м, расположенного в устье одноименного каньона, прорезающего платообразное поднятие Емды, сложенное известняками датского яруса с обильными обнажениями

кремневых конкреций и желваков. Высота останца относительно окружающего рельефа 100—110 м (рис. 2). Каньон имеет выход на южное побережье небольшого мелководного залива Каспийского моря Кочак. С западной и северо-восточной сторон останца сохранились небольшие пролеты вырубленных ступеней-троп для подъема. На восточной оконечности он соединяется с плато узким пешерешейком, рассеченным глубоким природным рвом. Западный край рва укреплен сильно разрушенной крепостной стеной, сложенной крупными кусками кремневого камня и известняка. Высота сохранившихся кладок достигает 1 м, с основным массивом вывала камней в сторону скального склона. В плане стена повторяет спрямленные контуры кромки останца с изгибом оконечностей по его склонам. Общая протяженность вала (стены) с разрывами-проходами в северном и южном секторах — около 70 м.

На поверхности юго-западной и центральной части останца располагаются около 30 низких кургановидных возвышений с редко вы-

Рис. 1. Карта месторасположения памятников и местонахождений гунно-сарматского времени на территории п-ова Мангышлак: 1 — Коргантас, Кетиккала; 2 — Караганская пристань; 3 — Каракабак; 4 — Алтынказган; 5 — Шеркала; 6 — Кызылкала; 7 — Айракты.

Fig. 1. Map of the location of the monuments and locations of the Gunno-Sarmatian time in the territory of Mangyshlak Peninsula: 1 — Korgantas, Ketikkala; 2 — Karagan wharf; 3 — Karakabak; 4 — Altynkazgan; 5 — Sherkala; 6 — Kyzylkala; 7 — Ayrakty.

Рис. 2. Вид на останец с поселением Каракабак (фото А. Е. Астафьева).

Fig. 2. View of the remnant of the Karakabak settlement (photo by A.E. Astafiev).

ступающими фрагментами каменных кладок. Составленный детальный топографический план останца и распределение подъемного материала позволили определить границы поселения и некоторые особенности его планировки (рис. 3). Площадь застройки составляет более 3 га и ограничена с севера и востока нерегулярными широкими грунтовыми валами, образованными, как показали последующие исследования, объемными отвалами хозяйственно-бытового и строительного мусора. За пределами валов какой-либо подъемный материал (около нор грызунов) практически не встречается. На северо-западном выступе останца прослеживается серия неглубоких ям, возможно, возникшая при добыче в древности известнякового камня.

В 2017—2018 гг. на площади памятника было заложено два раскопа: №1 — на одном из валов, ограничивающем с севера пределы поселения, №2 — на небольшом кургановидном возвышении, расположенном в юго-восточном секторе. В первом случае верхний горизонт отложений вытянутого грунтового возвышения был представлен светло-серым пылеватым лёссом мощностью 30—45 см, содержащим незначительное количество находок, являющихся результатом активной деятельности грызунов в нижележащих слоях. Ниже, вплоть до скального основания, лёсс имеет серо-пепельную окраску, при мощности 80—100 см. Этот слой, повторяя линию уклона скального основания с нисхождением в северном направлении, пронизан многочисленными тонкими золистыми линзами

и прослоями. При разборке слоя встречались одиночные небольшие куски или аморфного облика скопления из кремневого камня и известняка. Основная масса находок происходит из средней части культурного горизонта и представлена мелкими фрагментами лепных (крайне редко станковых) сосудов, единичными обломками изделий из камня. Из раскопа получено более тысячи разнообразных фрагментов костей животных. Наряду с мелким рогатым скотом, лошадей, верблюдом и коровой, определяются кости тюленя, черепахи, птиц, рыб (осетровые породы, сазан). Из находок стоит отметить разнообразные бусины (стекло, паста, камень), мелкие фрагменты стеклянных сосудов, обрезки медных пластинок, обломки поделок из кости. Характер находок и стратиграфия возвышения позволяют высказать мнение о его происхождении в качестве мусорного отвала.

Раскоп №2 исследовался на протяжении двух последних лет с расширением площади вскрытия. Нами были открыты остатки трех построек усадебного типа (рис. 4), разделенных условно дворовым или уличным пространством, как правило, перекрытым чехлом рыхлого лёсса золистой окраски с включением обломков костей животных и фрагментов керамики. Многокомнатные постройки хорошо прослеживаются на уровне фундаментов, сохранившихся на высоту от 10 до 60 см. Возведение фундаментов стен производилось двумя способами: из сырцовых блоков размером 40×40 и 55×40 см или в половину кирпича (20×40 см) при его толщине 11—12 см

Рис. 3. Каракабак. Топографический план памятника с раскопами (1, 2). Условные обозначения: а — раскопы; б — раскопы; в — остатки сооружений, видимые на современной поверхности; с — мусорные отвалы, содержащие керамику.

Fig. 3. Karakabak. Topographic plan of the monument with excavation areas (1, 2). Legend: a — ditches; b — ditches; c — remnants of structures visible on the modern surface; c — garbage dumps containing ceramics.

Рис. 4. Каракабак. Раскоп 2. Остатки домов усадебного типа (фото А.Е. Астафьева).

Fig. 4. Karakabak. Dig 2. Remnants of homestead type buildings (photo by A.E. Astafiev).

Рис. 5. Каракабак. Остатки фундамента из сырцовых кирпичей (фото А.Е. Астафьева).

Fig. 5. Karakabak. Remains of the foundation of raw bricks (photo by A.E. Astafiev).

(рис. 5) и каменной горизонтальной кладки, уложенной в два ряда на глинистом растворе с бутовым наполнением (рис. 6). Средняя ширина фундаментов 60—70 см. Сырцовые блоки укладывались непосредственно на скальное основание с его выравниванием плитчатой подложкой и последующей вну-

тренней подрубкой скалы при выравнивании полов. В некоторых случаях каменные кладки возводились на мусорном горизонте предшествующего периода обживания с обустройством котлована под помещение и выравниванием полов. При этом внутренний ряд кладки устанавливался на скальник, а внешний —

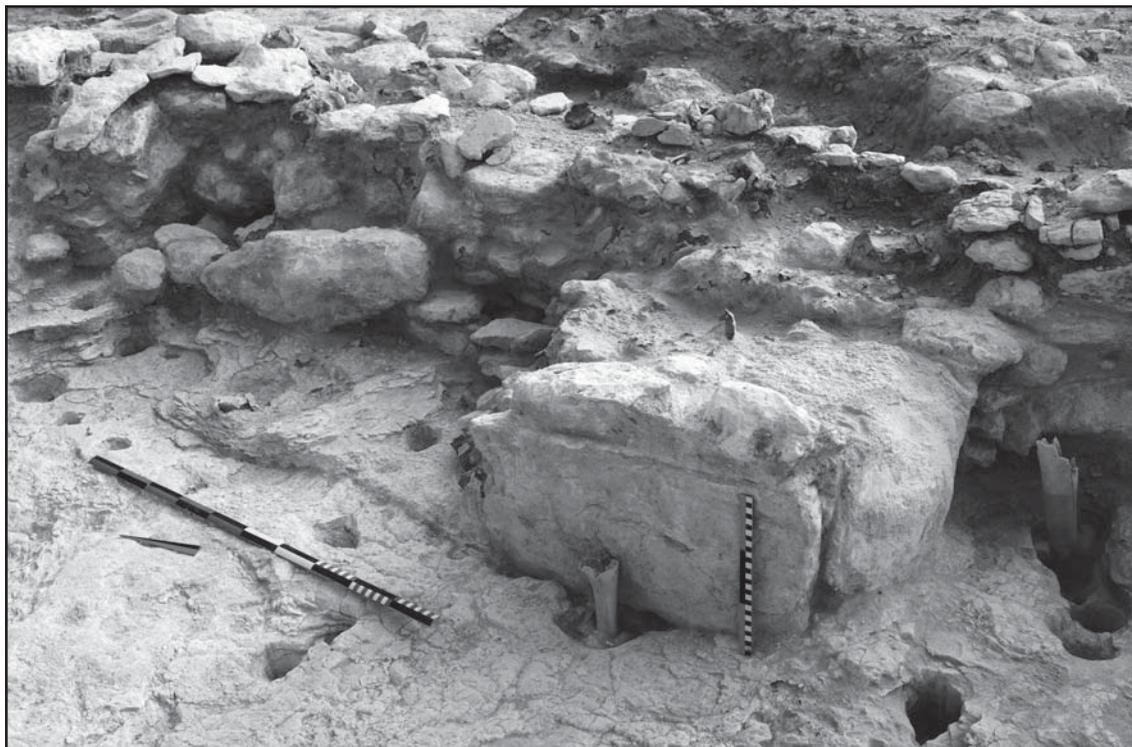
Рис. 6. Каракабак. Комплекс строений №1. Вид на коридор и упавшую стену. На переднем плане корытообразный жертвенник (?) из необожженной глины и каменная база для опорного столба (фото А.Е. Астафьева).

Fig. 6. Karakabak. The complex of buildings no. 1. View of the corridor and the fallen wall. In the foreground is a trough-shaped altar (?) of unburned clay and a stone base for a support post (photo by A.E. Astafiev).

Рис. 7. Каракабак. Комплекс строений №1. Суфа из сырцовых кирпичей (фото А.Е. Астафьева).

Fig. 7. Karakabak. The complex of buildings no. 1. Sufa of mud bricks (photo by A.E. Astafiev).

Рис. 8. Карабабак. Комплекс строений №2. Остатки высокой скамьи-лежанки с плитчатой облицовкой фасада (фото А.Е. Астафьева).

Fig. 8. Karakabak. The complex of buildings no. 2. The remains of a high bench-bed with platyled facing of the facade (photo by A. E. Astafiev).

на культурные отложения. Данные закономерности свидетельствуют о том, что техника строительства из сырцового кирпича в пределах поселения первична и, вероятно, привнесена извне первыми поселенцами. Более простые каменные кладки на глинистом растворе следует рассматривать как результат адаптационных процессов вживания людей в местные природные условия и использование местной строительной традиции, определяемой сырьевой базой.

Вскрытая нами основная часть помещений — жилая, т.к. обустроена пристенными суфами и скамьями-лежанками (рис. 7). Важной особенностью высоких скамей-лежанок, возведенных в помещениях с каменными кладками стен, является плитчатая облицовка фасада (рис. 8). Основания этих плит местами утоплены в желоба, пробитые в скальнице. Полы помещений выравнивались и уплотнялись за счет глинистой наливки. В двух помещениях выявлены остатки корытообразных жертвенников (?) из необожженной глины (рис. 6). В центре комнат расположены углубленные в пол очаги круглых или квадратных очертаний с глиняной обмазкой стенок и бортиками. Зафиксированы случаи наличия каменных баз в виде усеченных пирамид и оди-

ночных круглых, глубоких ям, вырубленных в скальном основании, вероятно, для установки деревянных столбов, поддерживавших стропила перекрытий.

Имеются неоднократные следы последовательного расширения и перепланировки жилого пространства, факты разрушения отдельных участков стен помещений с последующей разборкой на камень элементов стеновых кладок и комнатного благоустройства, а также окончательного нивелирования остатков сооружений под воздействием естественных факторов. В трех помещениях были найдены развалы пяти сосудов, раздавленных упавшими стенами, что является свидетельством разрушения построек в жилом состоянии.

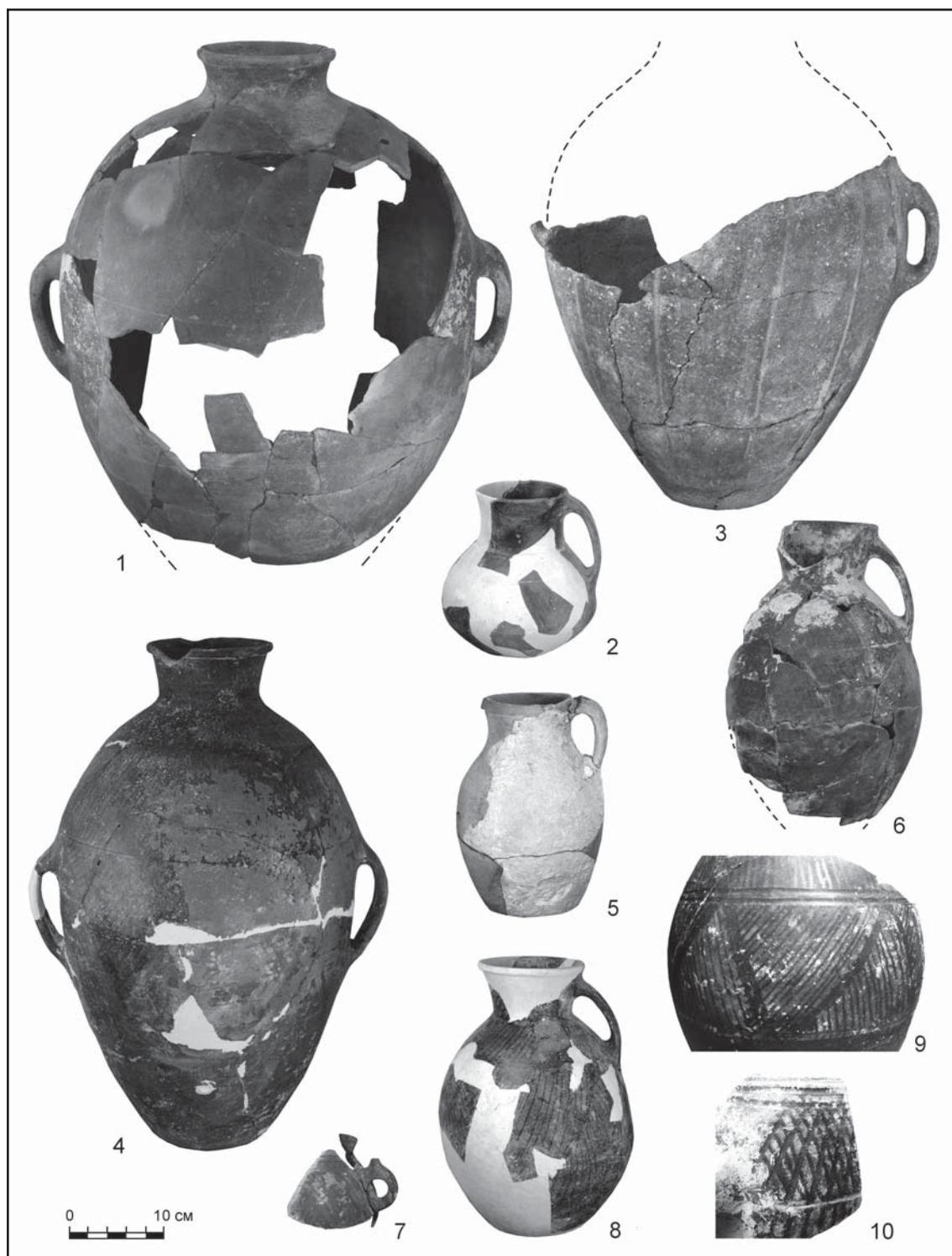
Наличие очень объемного массива мусорных отвалов по полупериметру поселения свидетельствует об интенсивности хозяйственных процессов (очистка комнат и «улиц»). Этот факт, вкупе с природным фактором (постоянные сильные ветра, перегоняющие легкий лёсс) обусловили отсутствие вертикальной стратиграфии культурных отложений на памятнике. По этой причине за основу истории формирования комплекса положена целая серия наблюдений за сменой планиграфии построек, принципов их возведения и по-

следовательностью их разрушения. На данном этапе исследования мы выделяем три основных строительных периода: первый — возведение построек из сырцовых кирпичей; второй — замена сырца на каменные двухрядные кладки, вторичное использование каменных архитектурных деталей; и третий — разборка построек второго периода после их разрушения и превращения руин в мусорную свалку, а также возникновение новых построек поверх разрушенных. Все эти три строительных периода охватывают, по всей видимости, не более 300 лет, о чем свидетельствуют обширные материалы, полученные при раскопках поселения. На характер занятий обитавшего на Каракабаке населения указывают многочисленные каменные изделия абразивного характера, изготовленные из песка. Встречаются обломки и целые образцы зернотерок, жерновов, тёрочников, точил, пестов, оселков, плошек. Представительна коллекция разнообразных обломков и целых форм дисковидных и биконических грузиков (пряслиц?), изготовленных из глины или черепков разбитой посуды и камня. Их размеры и формы характерны как для варварских поселений, так и для античных (римских) городов на всей территории от Европы до Южной Сибири в эпоху «великого переселения народов» и не обладают датирующими и этнокультурными признаками.

Также без особой культурной привязки оказалась керамическая коллекция с Каракабака, представленная целыми формами и тысячами фрагментов лепной и станковой посуды. Сосуды, изготовленные на гончарном круге, тонкостенные и в основной массе восстановительного обжига, ввиду чего поверхности черепков приобретают серые до черных оттенки. Они представлены типологически устойчивыми формами более десяти типов (рис. 9). Крупные и средних размеров сосуды имеют яйцевидное, порою вытянутое тулово с короткой отогнутой или раструбовидной шейкой небольшого диаметра, венчик, оформленный небольшим валиком, и две продольные ручки, как правило, пластинчатого типа (реже круглого сечения) на средней части тулова (рис. 9: 1, 3, 4). Иногда по краю венчика выделен небольшой слив (рис. 9: 4). Вытянутая яйцевидная форма тулова свойственна и небольшим кувшиновидным сосудам с небольшой раструбовидной горловиной и покатою ручкой с прилепами к горловине и плечам (рис. 9: 6, 8). Другую группу составляют небольшие сосуды-кружки с туловом банковидной или грушевидной формы, плавно отогнутым на-

ружу краем и ручкой-петелькой треугольного сечения с вырезами или выступами у основания верхнего прилепа (рис. 9: 2, 7). Особенностью практически всех типов станковой керамики является декорирование двух третей поверхности тулова трехзональным полосчатым лощением в виде вертикальных, косых или кососетчатых линий и взаимопроникающих штрихованных треугольников (9: 9, 10). Пока исключение составляют только сосуды крупных размеров, лишенные какой-либо орнаментации либо имеющие вертикальные декоративные ребра, как имитацию бронзовых котлов (рис. 9: 1). При крайне низком проценте красноглиняной станковой керамики встречаются конусовидные горловины аналогичных вышеописанным кувшиновидных сосудов, а также низкие горловины с массивными валиковидными венчиками. Фрагменты светлоглиняных сосудов единичны. В этой категории керамики имеется одна целая форма — небольшой широкогорлый кувшин (рис. 9: 5).

Лепная керамика разнообразна по формам и размерам, но также типологически стандартизована (рис. 10; 11). Основным отощителем глиняной массы является шамот, в редких случаях песок. В основной массе это плоскодонные горшки вытянутых пропорций, с вариациями формы шейки: плавно профилированной или отогнутой под углом, прямой короткой или в форме перевернутого конуса. Самые большие формы с шаровидным туловом достигают объема не менее 20 литров, имеют следы лощения и доработки на круге (рис. 10: 1—3). Они большей частью тонкостенные, аккуратной лепки, с выглаженной поверхностью, печного обжига и имеют темный излом. У крупных сосудов цвет внешней поверхности варьирует от малинового до ярко-красного (иногда с «пачкающимся» ангобным покрытием красного цвета). Есть сосуды с оформлением края венчика массивным декорированным воротничком треугольного сечения (рис. 11: 1). Встречены фрагменты стенок с шишковидными налепами по тулову. Серийны небольшие сосуды с шаровидным туловом, короткой вертикальной горловиной и петлевидной ручкой и кружки, как правило, имеющие таблетковидный налест на верхней части изгиба ручки (рис. 11: 4). Встречаются обломки очень миниатюрных сосудиков высотой 6—7 см. Выделены чашевидные кубки на высоких ножках и дисковидном поддоне различных размеров, в том числе со сливом (рис. 11: 5, 6). Подобную форму имели и светильники с дополнительной малой емкостью на дне чаши (рис. 11: 7). Найдены обломки тарелок и небольших

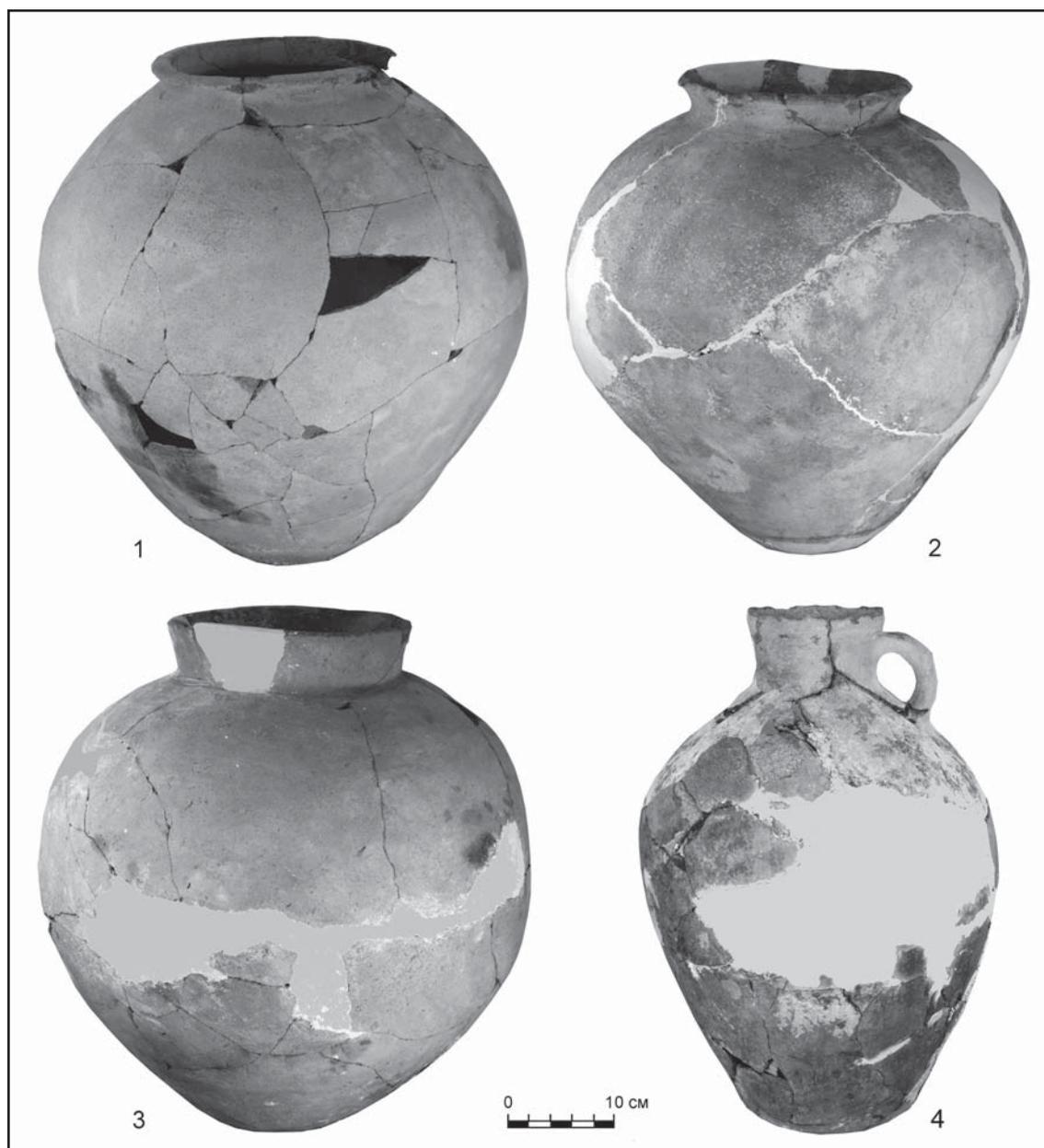
Рис. 9. Каракабак. Станковая посуда, основные типы: 1, 3, 4 — крупные сосуды с двумя ручками; 2, 7 — кружки; 5, 6, 8 — кувшины (5 — светлоглиняный); 9, 10 — фрагменты сероглиняной керамики с полосчатым лощением (фото А.Е. Астафьева).

Fig. 9. Karakabak. Easel tableware, basic types: 1, 3, 4 — large vessels with two handles; 2, 7 — cans; 5, 6, 8 — jars (5 — light-clay jar); 9, 10 — fragments gray-clay ceramics banded glossing (photo by A.E. Astafiev).

плоскодонных чашек, в том числе на трех ножках.

Если говорить об аналогиях обнаруженному на Каракабаке керамическому комплек-

су, то можно указать лишь отдельные параллелях. Так, сосуды с сосцевидными выступами по раздутому тулову, кружки с ручками, на которых в верхней части есть таблетко-

Рис. 10. Каракабак. Лепная посуда: тарные сосуды (фото А. Е. Астафьева).

Fig. 10. Karakabak. Modeled dishes: tare vessels (photo by A. E. Astafiev).

видные налеты, и сосуды с воротничковым оформлением венчиков встречаются в джетыасарских комплексах. Причем среди посуды много форм, имеющих специфическую технологию изготовления с легко стирающимся, очень нестойким ангобным покрытием красного цвета (Левина 1996: 112, 190, рис. 66, 73—76). Найдена в джетыасарском погребении и единственная на весь комплекс полная аналогия нашей станковой посуде — это двуручный сероглиняный сосуд яйцевидной вытянутой формы, который Л. М. Левина включает в группу «чужих сосудов» (Левина 1996: рис. 73). Такой же формы тарные кувшины

встречены на Зилгинском городище (Центральный Кавказ, II—IV вв.), при раскопках усадьбы 13 и 16 Танаиса (III — вторая половина III вв.), в кургане 2 Лебедевского могильника (середина III в.). Но они не имеют характерного полосчатого лощения в виде треугольников (Arzhantseva, Deorik, Malashev 2000: fig. 12; Гугуев 1993: 119, рис. 9: 1, 4; Мошкова 2009: рис. 6: 6).

На фоне массовости фрагментов, более десятка найденных целых форм на Каракабаке (а вскрыто 1/25 от общей площади поселения), и единичных образцов в других памятниках — предположение о центрально-

Рис. 11. Каракабак. Лепная посуда: малые формы (фото А.Е. Астафьева).

Fig. 11. Karakabak. Modeled dishes: small forms (photo by A.E. Astafiev).

кавказском происхождении данного типа сосудов (Гугуев 1993: 121; Мошкова 2009: 111) выглядит слабо обоснованным. Лепная и станковая керамика с Каракабака по выделенным формам (стандартам), по технологии изготовления и составу формовочного теста сильно отличается от посуды из комплексов Западного Прикаспия III—V вв. (Паласыртские могильники и городище), памятников круга Андрейяульского городища и алан-

ской культуры Северного Кавказа (II—IV вв.) (см. Малашев и др. 2015: рис. 215—225; Малашев 2016: 43, рис. 63—65; Малашев, Болелов 2016: рис. 4—7; Гугуев, Малашев, Рылов 2017). В настоящий момент мы не склонны утверждать, что вся станковая посуда изготавливалась именно на Каракабаке (печи пока не найдены). Ведь в таком случае пришедшее на Мангышлак население должно было не только сохранить морфологию своих из-

делий, но и адаптироваться к новому сырью, сохраняя основные технологические приемы изготовления, несмотря на близкое соседство более развитого керамического производства (Хорезм, Иран). При раскопках мы обнаружили меньше десятка фрагментов, которые можно считать принадлежащими классическим светлоглиняным хорезмийским сосудам, и ни одного обломка от иранской посуды. Возможно, учитывая торгово-ремесленный статус Каракабака, тарная посуда использовалась только для перевозки товаров. Но в настоящее время место массового изготовления вышеописанных типов сероглиняных двуручных кувшинов не известно.

Большая часть металлических предметов получена в результате сборов из поверхностных слоев с площади городища. Как показали наблюдения, обилие мелких находок из металла практически на поверхности останца вызвано землеройной деятельностью грызунов, интенсивность которой возрастает в благоприятные природно-климатические сезоны. Сбор металла проходил с глубины до 20 см, с точной картографической привязкой¹. Основной объем собранного металла составляют обломки и обрезки медных пластинок, фрагменты медных котлов. Довольно частой находкой являются медесодержащие капельки и всплески, являющиеся свидетельством формовочного литья, что подтверждено наличием литков и кусочков спекшегося вторичного лома, шлака.

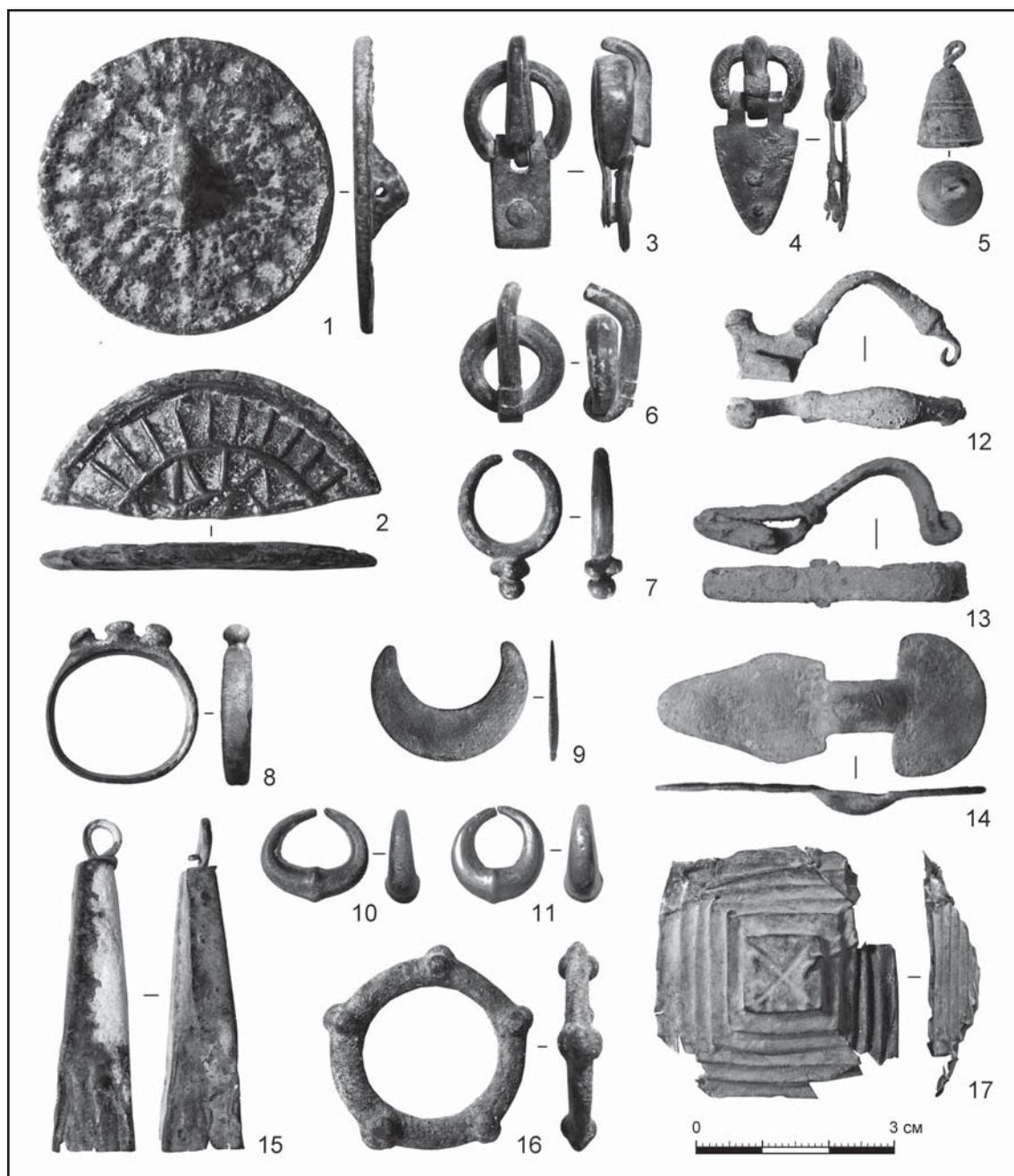
Очень важными с точки зрения датировки памятника оказались находки ременных пряжек специфического облика и их деталей (рис. 12: 3, 4, 6), лучковые и двухпластинчатые фибулы (рис. 12: 12—14), обломки зеркал-амулетов (рис. 12: 1, 2), медные колокольчики — шумящие подвески (рис. 12: 5, 15) и различные специфические мелкие украшения (рис. 12: 7—11). Медные пряжки в основном щитковые, с подвижным кольцом и хоботковидным язычком, выступающим за пределы рамки. Щитки однотипны по технологии изготовления (согнуты из одной пластины с зажимом ремня с помощью клепок), но разнообразны по форме. Не углубляясь в построение типологических схем на данном этапе исследования (что обусловлено темой нашей публика-

ции), можно сказать, что большая часть типов пряжек характерна для конца IV — V вв. для Северного Причерноморья, Кавказа, Западного Прикаспия (Амброз 1989: 90; Засецкая 1994: 80; Малашев, Гаджиев, Ильюков 2015: рис. 204—205) и урало-казахстанских степей и Приаралья (Левина 1996: табл. 123—125; Боталов 2009: 188; Белявская 2018: 89—90). Хотя, конечно, некоторые типы пряжек начинают бытовать с первых веков (см., например: Гущина, Журавлев 2016б: 85—86, табл. 238), но, как справедливо отметил В. Ю. Малашев, появление рельефного выступа сзади у основания язычка пряжек служит надежным хронологическим репером: этот признак появляется не ранее второй половины III века и мгновенно распространяется на огромной территории от Приуралья до Причерноморья (Малашев 2014: 136—137). Найденные на площади поселения фибулы, по определению И. О. Гавритухина, имеют более широкие рамки бытования: в пределах второй половины II — первой половины VII вв.² Медные колокольчики призматической и конусовидной формы (не выше 4 см) встречаются наиболее часто в «варварских» комплексах римского и гуннского времени Крыма, Северного Причерноморья и Кавказа, в некрополях античных городов (Танаис) и в памятниках Средней Азии (Фергана). Бытуют они от первых веков нашей эры вплоть до VI в. (Литвинский 1973: 51—52; Гущина, Журавлев 2016а: 110—111). В хронологический промежуток II—VI вв. укладываются и другие с находки с Каракабака. Это миниатюрные зеркала-амулеты (и их фрагменты) с радиально-лучевым орнаментом (звздообразным) и выступом-петелькой по центру (IX и X типы по классификации А. М. Хазанова: Хазанов 1963: 67—69, рис. 4; 5); литые бронзовые кольца с выступами-шишечками (рис. 12: 16); подвески в виде человечка; штампованные пластинки с геометрическим орнаментом (рис. 12: 17). Все эти предметы характерны для всей степной территории от Европы до Приуралья и обусловлены определенной «модой», не обладающей конкретными этнокультурными различиями.

Более узкую датировку Каракабаку дает коллекция из 70 монет, три из которых найдены в раскопе №2. По монетному чекану они делятся на шесть групп: древнехорезмийские, сасанидские, бухарские, китайские, монетные кружки и монеты позднего сред-

¹ Сборы были обусловлены активной деятельностью черных археологов в периоды, когда археологические работы на памятнике не велись. К сожалению, охрана памятника, ввиду его удаленности от города и плохо работающих законов по защите культурного наследия в Республике Казахстан, невозможна в настоящий момент.

² Авторы выражают благодарность И. О. Гавритухину за определения. По вопросу типолого-хронологических характеристик каракабакских фибул готовится совместная публикация.

Рис. 12. Каракабак. Металлические изделия: 1, 2 — зеркала-амулеты; 3, 4, 6 — ременные пряжки; 5, 15 — шумящие подвески (колокольчики); 7—11 — украшения; 12—14 — фибулы; 16 — распределитель ремней; 17 — штампованная пластинка-накладка. 1—4, 6—10, 12—16 — бронза; 5, 15, 17 — медь; 11 — золото (фото А.Е. Астафьева).

Fig. 12. Karakabak. Metal products: 1, 2 — mirror-amulets; 3, 4, 6 — belt buckles; 5, 15 — rustling pendants (bells); 7—11 — finery; 12—14 — fibulae; 16 — belt dispenser; 17 — stamped plate-pad. 1—4, 6—10, 12—16 — bronze; 5, 15, 17 — copper; 11 — gold (photo by A.E. Astafiev).

невековья (рис. 13)³. Самая многочисленная группа — древнехорезмийские. В основу их атрибуции и относительной хронологической последовательности положена основополага-

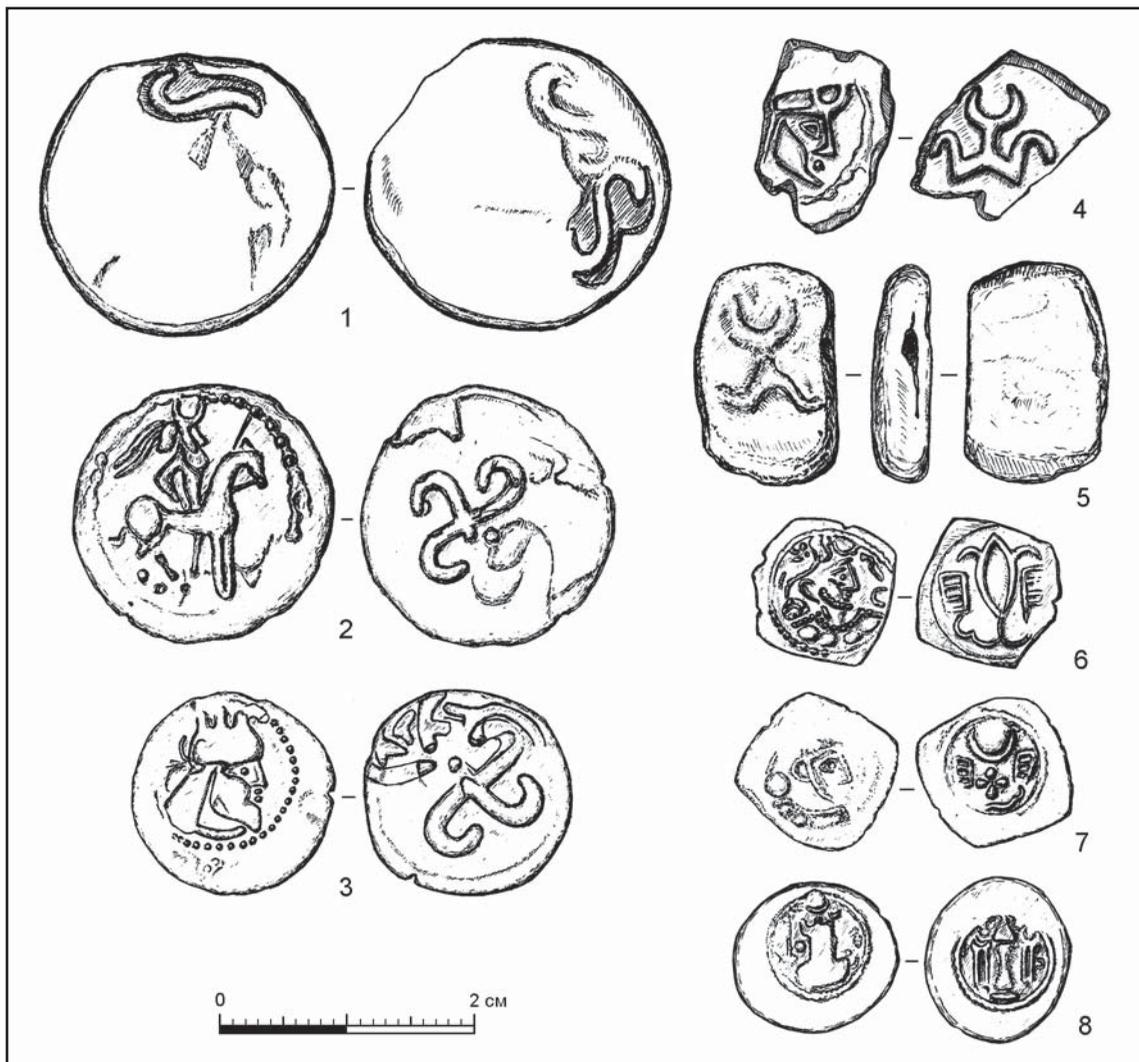
ющая работа Б.И. Вайнберг (Вайнберг 1977). Определены следующие типы монет:

Царь Артрамуш, чекан по кушанской монете с двусторонней S-видной тамгой — конец II — нач. III вв. (рис. 13: 1).

Царь Вазамар, типы B² V/1, B² V/2 — последняя треть III в. (рис 13: 2, 3).

Неизвестный правитель, тип B²11.

³ Выражаем признательность К.В. Кравцову, П.Н. Петрову и А.В. Пачкалову за помощь в вопросе атрибуции проблемных монет.

Рис. 13. Каракабак. Монетная коллекция и свинцовая пломба (5). 1—4 — Хорезм: 1 — царь Артрамуш; 2, 3 — царь Вазамар; 4 — неизвестный правитель (тип Б2/17 по Б. И. Вайнберг); 5 — пломба (тамга тип Т10 по Б.И. Вайнберг); 6—8 — эпоха Сасанидов: 6 — пашиз Ездигерда I; 7 — юнит Варахрана IV; 8 — пашиз Пероза I.

Fig. 13. Karakabak. Coin collection and lead seal. 1—4 — Khwarezm: 1 — king Artramush; 2—3 — king Wazamar; 4 — unknown ruler (type B²/17 according to B. I. Vainberg). 5 — lead seal (tamga of type T10 according to B. I. Vainberg); 6—8 — the Sassanian era: 6 — pashiz of Yazdagerd I; 7 — unit of Varakhran IV; 8 — pashiz of Peroz I.

Неизвестный правитель, тип Б²10.

Царь Рагст, тип Б²13.

Неизвестный правитель, тип Б²17 (рис. 13: 3).

Царь Сиявспарш, тип Б²14—16.

Царь Вир (Вик), тип Б²19.

Неизвестный правитель, тип Б²18.

Царь Тутухас, тип В1/1.

Имеют место монеты типов Б²9 и БВ/1 без определения относительного места в последовательном ряду выпусков хорезмийских монет (Вайнберг 1977: 55, 56, 58).

В коллекции хорезмийских монет с Каракабака имеются еще четыре типа, один из которых отнесен Б. И. Вайнберг к разряду уникальных, а три не имеют себе аналогий в ну-

мизматической литературе (Вайнберг 1977: 35—38)⁴.

Монеты эпохи Сасанидов, в отличие от хорезмийских, дают абсолютные хронологические рамки существования поселения. Они представлены драхмой Шапура I (253—258 гг.), юнитами Варахрана IV (388—399 гг.) (рис. 13: 7), пашизами Йаздгерда I (конец 410 гг.) (рис. 13: 6) и фракцией драхмы и пашизом Пероза I (457—484 гг.) (рис. 13: 8).

⁴ Характеристика этих типов не входит в задачи данной публикации, она будет рассмотрена в специальной работе.

Три медные монеты Бухарского Согда правителей Мавака (IV—V в.) и Асбара (сер. V—сер. VI вв.) (Ртвеладзе 1987: 38).

Китайская монета. По предварительным данным, это может быть монета эпохи Северная Вэй. Начало литья при императоре Сюань У (499—515) (с 3-го года девиза правления Юн-пин (510 г.)), завершение при императоре Сяо Чжун (528—530) (до 2-го года девиза правления Юн-ань (529 г.)).

Хронологический диапазон монет с поселения Каракабак очень плотно укладывается в рамки III—самого начала VI вв., а статистическая раскладка хорезмийской меди с опорой на хронологию сасанидской позволяет утверждать, что монетная активность на поселении приходится на самый конец IV и V вв.

С карабабской нумизматической коллекцией можно связать медную византийскую монету Флавия Аркадия 395—408 гг., происходящую с площади Караганской (Мангышлакской) торговой пристани, активно функционировавшей на протяжении XII—XVIII вв. (Астафьев, Петров 2017: 111—112). Пристань и торжище располагались на берегу ныне сухой бухты (береговая линия отошла на 0,8—1,6 км), с которой непосредственно граничит устье каньона Каракабак. Как уже упоминалось, выбор места устройства Карабабского поселения был продиктован удобной ландшафтной ситуацией. Однако это не уникальный случай. Нами выявлено небольшое поселение на останцовой горе Айрақты, расположенной в обширной долине нагорья Западный Каратау в 70 км от городища Каракабак. Помимо фрагментов керамики и развалов каменных построек, здесь найдены три медные хорезмийские монеты II—III вв., а у расположенной по соседству горы Шеркала на месте средневекового торжища — еще семь аналогичных монет II—IV вв. Благоприятная экологическая обстановка вкупе с транзитным месторасположением на активной торговой трассе из Хорезма к побережью Каспийского моря могли способствовать возникновению торгово-ремесленных поселений. Именно это стечение обстоятельств привело к появлению в X веке поселения Кызылкала (Астафьев 2010: 49—55). Таким образом, появление Карабабского поселения на берегу удобной морской гавани — процесс более закономерный, нежели случайный. В этой связи крайне интересна находка на этом поселении уникальной небольшой свинцовой пломбы с тамгой типа T10 (рис. 13: 5), соответствующей монетам неизвестного правителя типа B²17 по Б.И. Вайнберг (рис. 13: 4) (Вайнберг 1977: таб. XV). Эта наход-

ка убедительно доказывает существование торгово-дипломатических связей с Хорезмом. Поэтому в этом контексте коллекцию среднеазиатских монет следует рассматривать как важное свидетельство товарно-денежных отношений.

Ранняя дата нумизматической коллекции согласуется с означенными выше параметрами сырцовых кирпичей, характерных для Хорезма античного периода (Толстов 1962: 250, рис. 160). В этой связи было бы уместным высказать предположение, что основой Карабабского поселения могла послужить колония-фактория, возникшая на трассе торгового пути из Хорезма к Волге (важной восточноевропейской торговой артерии) и к прикаспийским государствам. Вероятно, истоки и причины возникновения Карабабского поселения следует искать в другой историко-политической и географической плоскости. Также для понимания статуса обнаруженного нами города необходимо подчеркнуть тот факт, что из монет на его территории мы находим в основном городскую мелкую медь, которая обычно не выходит за пределы полисов (городов). Крайне необычной и пока необъяснимой является ситуация находок серийных хорезмийских монет «послевазамаровского» времени при их полном отсутствии на территории левобережного Хорезма (Вайнберг 1977: 90—91).

Период III—V вв. в истории Арало-Каспийского региона, как, впрочем, и всей территории от Европы до Приуралья, известен из исторических источников (Аммиан Марцеллин, Приск Панийский, Зосима, Егише, Иордан и др.) как очень смутное время. Подтверждается это и данными археологии. Это столетия кризиса Римской империи, масштабных походов коалиции племен готов и представителей скифо-сарматоланского населения, нашествия гуннов. Эти события затронули территории Европы, Северного Причерноморья, Поволжья. Археологические исследования показали, что состояние античных городов в это время было весьма плачевным. Все северопонтийские города не позднее III века оказались разрушены, перестали быть экономическими и культурными центрами. И если в IV веке была некая временная стабильность, то в конце IV века, после гуннского нашествия, оседлого населения в причерноморских степях вообще не сохранилось (Гущина, Журавлев 2016а: 119; Гудкова 1999: 386). На западном побережье Каспийского моря также было очень неспокойно на фоне постоянных войн Ирана и Рима. Ситуацию усугубляли внутренние мяте-

Рис. 14. «Вал Байлама». Современное состояние (фото А.Е. Астафьева).

Fig. 14. "Bailama rampart". The modern state (photo by A.E. Astafiev).

жи на территории обеих империй и гуннские вторжения (см. об этом подробнее: Луконин 1969: 34—35, 50—59; Дашков 2008: 88—112; Фурасьев 2012; Малашев, Гаджиев, Ильюков 2015: 128—152). Если говорить о Средней Азии, то кушано-афригидский этап (III—V вв.) в периодизации Хорезма характеризуется как политическим, так и социально-экономическим кризисом (Толстов 1948: 209; Неразик 2013: 177).

Таким образом, в данный период вся обстановка, как в степях, так и в городских полисах западной и восточной ойкумены, абсолютно не способствовала торговым операциям и процветанию ремесленных центров. Поэтому, возможно, какая-то группа населения (мы пока ничего не можем сказать о ее этнической составляющей) решила основать колонию в стороне от всех событий, в географически обособленном регионе. И максимально себя защитить от набегов кочевников. Плато Емды, где расположено поселение Каракабак, рассечено с севера на юг двумя протяженными каньонами «Каракабак» и «Шульдор». Эти каньоны, смыкаясь бортами до узкого перешейка, образуют достаточно обширный замкнутый участок плато площадью около 18 кв. км, северо-западной оконечностью которого является останец с поселением. Перешеек перегорожен рвом и крепостной стеной с топографическим названием «вал Байлама» (рис. 14). Сооружение протяженностью около 500 м, в плане относительно прямолинейное,

было сильно разрушено в древности и в советское время (камень изымался для строительства загонов). Внешняя сторона кладок стены, укрепленной четырьмя полукруглыми глухими башнями диаметром 3—3,5 м, на 80% обрушилась в ров. Большой частью эти завалы перекрыты грунтовыми отложениями, что придает в настоящее время стене вид вала. Остатки трех башен располагаются в западном секторе стены. На этом же участке в стене имеется небольшой разрыв шириной около 2 м. Здесь же с внешней и внутренней сторон прослеживается понижение окружающего рельефа, что позволяет определить этот разрыв как входные ворота.

Конструктивно стена была сложена двухрядной кладкой без раствора из нетесаного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства (рис. 15). Ширина стены по верху на разных участках достигает 1,5—2,2 м, наибольшая сохранившаяся высота на уровне стрелковой площадки — 1,5 м. Внешний ряд кладки сложен крупными блоками и плитами. Внутренний ряд кладки выполнен относительно небольшими камнями, как правило, кремневыми конкрециями. С внешней стороны перед стеной имеется оплывший ров шириной 3 м и глубиной от 0,5—0,8 м, повторяющий очертания внешнего контура кладки. Вал перед рвом низкий, местами сохранил высоту 0,3—0,5 м. В ходе расчистки основания одной из башен была установлена важная конструктивная особенность строительства:

Рис 15. Каракабак. Расчищенный фрагмент стены, рва и башни (фото А. Е. Астафьева).

Fig. 15. Karakabak. Cleared fragment of the wall, the moat and the tower (photo by A. E. Astafiev).

цокольные ряды внешней кладки уложены на каменно-грунтовую «подушку», преднамеренно созданную на скальном основании при рытье широкого рва. Полученные при раскопках данные позволяют нам примерно оценить объем трудозатрат при возведении стены, которые составили ок. 3000 т перемещенного камня и ок. 1500 куб. м вынутого грунта.

При проведении раскопок в завале стены был найден обломок плиты, на трех сторонах которой сохранились выбитые тамговые знаки сарматоидного облика. Данный факт очень важен в связи с отсутствием другого датирующего материала. Кроме построек Каракабака, на плато Емды остатков других сооружений не обнаружено, поэтому такая трудоемкая работа по сооружению «вала Байлама» может быть связана, во-первых, с обнаруженным нами городским поселением, а во-вторых, с защитой обширных пастбищно-земледельческих угодий.

Как показали недавние исследования крепости Узундара и единой оборонительной системы (на территории современных Узбекистана, Таджикистана и Афганистана), защищавшей государство Селевкидов от саков и юэчжей, в регионе уже в III веке до н.э. существовал подобный способ защиты от кочевников (Двуреченская 2018). При выстраивании, как и в Китае, высоких участков стен протяженностью от 100 до 3000 м, очень тща-

тельно выбирались места, обеспеченные водой и провиантом в случае войн и набегов. Особенности строительства подобного укрепления мы наблюдаем и на Байламе.

При этом, возможно, Каракабак был не только морским торговым форпостом, осуществляющим связь между Причерноморьем, Ираном, Средней Азией и, вероятно, Китаем. Находки многочисленных следов металлургического производства, сотни обрезков медных пластинок, позволяют предположить, что здесь мог существовать крупный ремесленный центр, выполняющий заказы для кочевного населения от Волги и далее на запад. Здесь следует обратить внимание на наличие на Мангышлаке крупных запасов медистых песчаников в Восточном и Западном Каратау, а также многочисленных следов их разработки, по крайней мере, уже в I тыс. до н.э. (Кузнецова 1976: 161—162). Это, во-первых, могло быть чрезвычайно удобно для обеспечения ремесленников Каракабака необходимым сырьем, а во-вторых, могло стать одной из веских причин возникновения автономного оседлого поселения в крае, исключительно заселенном и контролируемом кочевыми племенами. В этой связи чрезвычайно интересен вывод В.Ю. Малашева после изучения ремесленной гарнитуры Южного Урала и Поволжья. «События III века привели к разрыву контактов с теми мастерскими, которые работали

на степных варваров, в частности к исчезновению устойчивых связей позднесарматского населения Заволжья и Южного Приуралья с западными соседями. Это обстоятельство окончательно сориентировало южно-уральских кочевников на производственные центры лесной и лесостепной зон Волго-Уралья. Следствием стало ограничение территории распространения рассматриваемых ремесленных гарнитур в степи к востоку от Волги, начиная со второй половины III века» (Малашев 2014: 136). Может быть, связи были как раз с районами Северо-Западного Прикаспия? Ведь крупных производственных центров в лесной и лесостепной зоне Волго-Уралья в настоящее время не известно.

О важной роли поселения Каракабак как ремесленного центра, акцентированного на торговлю с кочевниками, подобно пограничным с кочевым миром центрам Хорезма, свидетельствует следующий факт. Часть металлических изделий (высокие пирамидальные и мелкие конические колокольчики, ремесленные пряжки, кольца с шишечками), медные монеты царей Вазамаара и Сиявспарша, а также полный комплекс лепной и станковой керамики, полученные при исследовании ритуального комплекса Алтынказган (Астафьев, Богданов 2015; 2018а; 2018б) имеют самые прямые аналогии в материалах Каракабакского поселения⁵. Сам факт ритуального захоронения (приношения) статусных для всадника вещей, как и создание многочисленных алтарно-жертвенных сооружений из камня, позволяет нам говорить о кочевом образе жизни населения этого региона в эпоху Великого переселения народов, при этом активно контактировавшего с обитателями Каракабака. Более того, на Алтынказгане найдено два клада декоративной фурнитуры конской упряжи с идентичными накладными пластинами ремней оголовья и фаларами, а также со стилистически единым изображением головок грифонов на пластинах конской узды и парадного пояса из третьего клада Алтынказгана (Астафьев, Богданов 2018б). Такие соответствия могут возникнуть только в том случае, если данные изделия приобретались в одном, вероятно, близко расположенном ремесленном центре, коим и мог быть Каракабак.

Ранее мы высказывали новую версию интерпретации маршрута персидского похода гуннов под предводительством Васиха и Курсиха через сухопутный «мост», периодически

возникавший между северным и восточным берегом Каспийского моря при его низком уровне (Астафьев, Богданов 2018б: 77—78). По уточненным данным, этот поход мог состояться в 421 г. (Фурасьев 2012: 461). Важный акцент данного предположения был сделан на вероятность существования прямого сообщения между территориями Северного Прикаспия и п-овом Мангышлак в V — начале VI вв. Казалось бы, исторические и геоморфологические свидетельства истории Каспия входят в противоречие с высказываемой нами гипотезой о портовом характере поселения Каракабак. При отметках уровня моря –31 м, уже способствующих возникновению проходимых отмелей «моста», залив Кочак, на берегу которого располагается поселение, перестает существовать, а берег отступает не менее чем на 8 км. Однако, на период IV — начала V вв. геолого-геоморфологические исследования определяют трансгрессивное состояние моря с высотными отметками –23/–24 м (Варуценко, Варуценко, Клиге 1987: 68, 69, рис. 13; Арсланов и др. 1988: 37). Следует заметить, что именно при уровне –23/–25 м определяется береговая линия Караганской (Мангышлакской) торговой пристани. Из этого следует, что Каракабакское поселение изначально могло возникнуть именно как торгово-ремесленная фактория с функциями порта, а в гуннское время, при утрате морского сообщения, превратиться в перевалочную базу сухопутной трассы арало-каспийского ответвления Великого шелкового пути.

Ввиду сказанного, мы приведем последние наблюдения по типолого-статистическим соотношениям лепной и станковой керамики поселения Каракабак, культово-погребального комплекса Алтынказган и поселения на горе Айракты:

1. Для хронологически раннего комплекса оград типа А1 Алтынказгана, включая изученные катакомбные захоронения при них (Астафьев, Богданов 2018б: 363), как и для мусорного отвала поселения Каракабак, содержание станковой сероглиняной керамики сводится к единичным процентным показателям. Для этих локаций характерны горшковидные сосуды с сосцевидными выступами на плечах и сосуды-кружки с петлевидными ручками, на верхних частях которых имеются таблетковидные налесты. На Айрактинском поселении с монетами II—III вв., судя по подъемному материалу, станковая сероглиняная керамика также крайне редка. Из этого мы можем сделать рабочее предположение, что для ран-

⁵ Алтынказган находится в 18 км от Каракабака.

него этапа, условно определяемого III — началом IV вв., было свойственно подавляющее использование лепной посуды печного обжига. Разумеется, мы не исключаем присутствие в это время и станковой керамики. Вероятно, с этим этапом сопряжено возведение построек из сырцовых кирпичей и периодическое удаление мусора с площади Каракабакского поселения на его северную окраину. Именно в пределах этих отвалов были найдены монеты Вазамаара и Шапура I.

2. В основном комплексе ритуальных сооружений Алтынказгана с богатыми приношениями гуннского типа второй половины V — начала VI вв. часто встречаются обломки станковых сероглиняных кружек и небольших кувшинов. Для городского поселения Каракабак практически вся сероглиняная керамика получена с площади раскопа 2. При этом основной процент находок обломков сосудов этого типа происходит с горизонта, датированного тремя монетами (две хорезмийские: тип B²17 и B²18, а также Бухарский Согд, правитель Асбар) явно поздней хронологической группы. Мусорные отложения формируются в ямах, на дворовых пространствах или на улице. На этой фазе на лепной посуде появляется воротничковое оформление венчиков (возможно, это указывает на связь с джетыясарской культурой). В строительстве начинают использоваться каменные кладки на глинистом растворе и пристрой к ранним сырцовым постройкам, в результате чего возникает основной строительный горизонт поселения. С этим временем связаны находки большей части монет конца IV — V вв. с хронологической лакуной «поствазамарских» типов хорезмийских монет относительно встречаемости сасанидских. Формирование новой строительной технологии и культурного слоя за счет

мусорных напластований внутри жилого сектора могут указывать на вероятную смену как хозяйственно-управленческих приоритетов, так, возможно, и этносоциальных процессов.

3. На третьем строительном этапе сероглиняная керамика в качестве мусора уже заполняет котлованы заброшенных помещений на Каракабаке. С этим временем сопряжено последнее, скорее всего, малозначимое строительство уже поверх каменных фундаментов и выросшего культурного слоя. Эти события следует связывать с угасанием жизни на поселении в пока предполагаемых рамках конца V — начала VI вв.

По палеоклиматической реконструкции Н. С. Болиховской на период IV—V вв. приходится фаза теплого и влажного климата с последующим похолоданием и аридизацией на ранней фазе дербентской регрессивной стадии Каспия в VI в. (Болиховская 2011: 75, рис. 1). Последнее могло стать одной из причин угасания жизни на Каракабакском поселении, поскольку мы при раскопках не обнаружили никаких следов военных конфликтов или пожаров. Однако, возможно, другой причиной запустения портово-ремесленного центра стало восстановление старых торговых путей на западном побережье Каспийского моря. Из письменных источников и археологических раскопок известно, что начиная с 450 года произошло укрепление мощи Сасанидского Ирана. Вследствие мирного договора между Ираном и Византией удалось восстановить контроль над Дербентским проходом, начать строительные оборонительных стен и городов-крепостей (Малашев, Гаджиев, Ильюков 2015: 153—154). Любая из этих версий может оказаться истинной. Ответы на целый ряд поставленных вопросов будут получены в результате последующих исследований.

Литература

- Амброз А. К. 1989. *Хронология древностей Северного Кавказа (V—VII вв.)*. Москва: Наука.
- Арсланов и др. 1988: Арсланов Х. А., Локшин Н. В., Мамедов А. В., Алескеров Б. Д., Герасимова С. А., Тертычный Н. И., Тертычная Т. В., Чернов С. Б. 1988. О возрасте хазарских, хвалынских и новокаспийских отложений Каспийского моря (по данным радиоуглеродного и ураново-иониевого методов). *БКИЧП* 57, 30—38.
- Астафьев А. Е. 2010. *Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела*. Актау: Grafikon-Stamp.
- Астафьев А. Е., Богданов Е. С. 2015. Парадное седло из Алтынказгана. *АЭАЕ* (4), 72—84.
- Астафьев А. Е., Богданов Е. С. 2018а. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке. *Stratum plus* (4), 347—369.
- Астафьев А. Е., Богданов Е. С. 2018б. Жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградах Алтынказгана, на восточном берегу Каспийского моря. *АЭАЕ* (2), 68—78.
- Астафьев А. Е., Петров П. Н. 2017. Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды. *АЕС* (6). *Нумизматика и эпиграфика*, 101—115.
- Белявская О. С. 2018. Ременная гарнитура и хронология погребений Югомашевского могильника. *Вестник Пермского университета* (1), 86—100.
- Болиховская Н. С. 2011. Особенности ландшафтно-климатических изменений на территории Северного Прикаспия и климато-обусловленных колебаний уровня Каспийского моря в голоцен.

- В: Корсакова О.П., Колька В.В. (отв. ред.). *Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований 1*. Апатиты; Санкт-Петербург: Геологический институт КНЦ РАН, 74—77.
- Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. 1987. *Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени*. Москва: Наука.
- Боталов С.Г. 2009. *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск: Рифей.
- Вайнберг Б.И. 1977. *Монеты Древнего Хорезма*. Москва: Наука.
- Гугуев Ю.К. 1993. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II — первой половине III в.н.э. (к постановке проблемы). В: Казакова Л.М. (ред.). *Вестник Танаиса 1*. Ростов-на-Дону: Гефест, 114—139.
- Гугуев Ю.К., Малашев В.Ю., Рылов В.Г. 2017. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в Танаисе в середине III в.н.э. (по результатам минералого-петрографических исследований). *НАВ 16 (1)*, 45—61.
- Гудкова А.В. 1999. I—IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения). *Stratum plus (4)*, 235—404.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016а. *Некрополь римского времени Бельбек в юго-западном Крыму 1*. Труды ГИМ 205. Москва: ГИМ.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016б. *Некрополь римского времени Бельбек в юго-западном Крыму 2*. Труды ГИМ 205. Москва: ГИМ.
- Дашков С.Б. 2008. *Цари царей — Сасаниды. Иран III—VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях*. Москва: СМИАзия.
- Двуреченская Н. 2018. Погранзастава на границе эллинистического мира. [Электронный ресурс.] URL: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=442&id_nws=9 (дата обращения 20.12.2018).
- Дженкинсон А. 1937. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. В: Рубинштейн Н.Л. (отв. ред.). *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. Ленинград: ОГИЗ, 167—192.
- Засецкая И.П. 1994. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в.н.э.)*. Санкт-Петербург: Эллипс ЛТД.
- Кузнецова Э.Ф. 1976. Бронзовые предметы из могильника Сынгас по данным спектрального анализа. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. Алма-Ата: Наука, 557—162.
- Костомаров Н.И. 2011. *Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях*. Смоленск: Русич.
- Левина Л.М. 1996. *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э.* Москва: Восточная литература РАН.
- Литвинский Б.А. 1973. *Могильники Западной Ферганы. Т. III. Украшения из могильников Западной Ферганы*. Москва: Наука, ГРВЛ.
- Лубо-Лесниченко. Е.И. 1988. Великий шелковый путь. В: Тихвинский С.Л., Литвинский Б.А. (ред.). *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье*. Москва: Наука, ГРВЛ, 352—391.
- Луконин В.Г. 1969. *Культура Сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры*. Москва: Наука, ГРВЛ.
- Малашев В.Ю. 2014. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южнорусских степей с населением степной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья. *УАВ 15*, 130—140.
- Малашев В.Ю. 2016. *Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II — середины V в.н.э.* Москва: ИА РАН.
- Малашев В.Ю., Болелов С.Б. 2016. 1-е Паласа-сыртское городище в Южном Дагестане. *КСИА 248*, 91—110.
- Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. 2015. *Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III—V вв.н.э.* Махачкала: Мавраевъ.
- Мошкова М.Г. 2009. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г.И. Багрикова). В: Фурасьев А.Г. (отв. ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 99—112.
- Неразик Е.Е. 2013. *Формирование раннесредневекового общества в низовьях Амударьи*. Москва: Гриф и К.
- Ртвеладзе Э.В. 1987. *Древние монеты Средней Азии*. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма.
- Самашев З.С., Астафьев А.Е. 2007. К вопросу об истоках происхождения архитектурных традиций каменного зодчества Мангистау. В: Самашев З.С., Курманкулов Ж.К., Султангалиева Г.С., Гуцалов С.Ю. *Марзулановские чтения*. Материалы международной научной конференции. Актобе: ПринтА, 132—138.
- Самашев и др. 2007: Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. 2007. *Сокровища Устюрта и Мангыстау*. Алматы: Елчиди.
- Скрипкин А.С. 2017. О некоторых особенностях начала функционирования северного ответвления Великого шелкового пути. *Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения 22 (2)*, 6—13.
- Толстов С.П. 1948. *По следам древнехорезмийской цивилизации*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Толстов С.П. 1962. *По древним дельтам Окса и Яксарта*. Москва: Наука, ГРВЛ.
- Фурасьев А.Г. 2012. Персидский поход гуннов в начале V в. по данным Приска Панийского. В: *Золото, конь и человек*. Сборник статей к 60-летию А.В. Симоненко. Киев: КНТ, 449—462.
- Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал. *СА (4)*, 58—71.
- Чулошников А. 1932. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII веках. В: Самойлович А.Н. (отв. ред.). *Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв.* Т. 1. Ленинград: АН СССР, 61—88.
- Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. 2000. Zilgi: an early Alan proto-city of the first millennium ad on the boundary between steppe and hill country. In: Kazanski M., Soupault V. (eds.). *Les sites archaéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Âge*. Colloquia Pontica 5. Series of the archaeology and ancient history of the Black Sea area. Leiden; Boston; Köln: Brill, 211—250.

References

- Ambroz, A.K. 1989. *Khronologiya drevnostei Severnogo Kavkaza V—VII vv. (Chronology of the North Caucasian Antiquities of 5th—7th Centuries AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Arslanov, Kh.A., Lokshin, N.V., Mamedov, A.V., Aleskerov, B.D., Gerasimova, S.A., Tertychnyi, N.I., Tertychnaia, T.V., Chernov, S.B. 1988. In *Bulleten' komissii po izucheniiu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period)* 57, 30—38 (in Russian).
- Astafiev, A.E. 2010. *Puti torgovykh soobshchenii epokhi srednevekov'ia na territorii Aralo-Kaspiiskogo vodorzadela (Medieval Trade Ways in the Aral and Caspian Seas Watershed)*. Aktau: "Grafikon-Stamp" Publ. (in Russian).
- Astafiev, A.E., Bogdanov, E.S. 2015. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4), 72—84 (in Russian).
- Astafiev, A.E., Bogdanov, E.S. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 347—369 (in Russian).
- Astafiev, A.E., Bogdanov, E.S. 2018. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (2), 68—78 (in Russian).
- Astafiev, A.E., Petrov, P.N. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (6). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)*, 101—115 (in Russian).
- Beliavskaia, O.S. 2018. In *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of the Perm University)* (1), 86—100 (in Russian).
- Bolikhovskaia, N.S. 2011. In Korsakova, O.P., Kolka, V.V. (eds.). *Materialy 7-go Vseross. soveshchaniia po izucheniiu chetvertichnogo perioda «Kvartir vo vsem ego mnogoobrazii: fundamental'nye problemy, itogi izucheniia i osnovnye napravleniia dal'neishikh issledovaniu» (Materials of the 7th All-Russian Conference for the Study of the Quaternary Period "Quarter in All Its Multisided Appearance: Basic Problems, Results and Main Directions for the Future Research")* 1. Apatity; Saint Petersburg: Geological Institute of the Kola Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 74—77 (in Russian).
- Varushchenko, S.I., Varushchenko, A.N., Klige, R.K. 1987. *Izmenenie rezhima Kaspiiskogo moria i besstoknykh vodoemov v paleovremeni (Changes in the Regime of the Caspian Sea and Inland Waters in Paleo Time)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Botalov, S.G. 2009. *Gunny i tiurki (istoriko-arkheologicheskaia rekonstruktsiia) (Huns and Turkic Peoples: Historical and Archaeological Reconstruction)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ. (in Russian).
- Vainberg, B.I. 1977. *Monety drevnego Khorezma (Ancient Khwarasm Coins)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Guguev, Yu.K. 1993. In Kazakova, L.M. (ed.). *Vestnik Tanaisa (Tanaïskii Bulletin)* 1. Rostov-on-Don: "Gefest" Publ., 114—139 (in Russian).
- Guguev, Yu.K., Malashev, V. Yu., Rylov, V.G. 2017. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 16 (1), 45—61 (in Russian).
- Gudkova, A.V. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 235—404 (in Russian).
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu (Belbek IV, the Roman Time Necropolis in Southwestern Crimea)* 1. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 205. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu (Belbek IV, the Roman Time Necropolis in Southwestern Crimea)* 2. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 205. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Dashkov, S.B. 2008. *Tsari tsarei — Sasanidy. Iran III—VII vv. v legendakh, istoricheskikh khronikakh i sovremennykh issledovaniakh (Sassanids, the Kings of Kings: Iran of 3rd—7th Centuries in Legends, Historical Chronicles and Modern Studies)*. Moscow: "SMI-Aziia" Publ. (in Russian).
- Dvurechenskaia, N. 2018. *Pogranzastava na granitse ellinisticheskogo mira (Border Post on the Border of the Hellenistic World)*. [Electronic resource.] URL: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=442&zid_nws=9 (accessed 20.12.2018) (in Russian).
- Jenkinson, A. 1937. In Rubinshtein, N.L. (ed.). *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke (English Travelers in Muscovy in 16th Century)*. Leningrad: "OGIZ" Publ., 167—192 (in Russian).
- Zasetskaia, I.P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuu epokhu (konets IV—V vv.) (The Culture of the Nomads from the Steppes of Southern Russia in the Hun Epoch (End of 4th—5th Century AD))*. Saint Petersburg: "Ellips LTD" Publ. (in Russian).
- Kuznetsova, E.F. 1976. In Akishev, K.A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam (The Past of Kazakhstan Basing on the Archaeological Data)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 557—162 (in Russian).
- Kostomarov, N.I. 2011. *Byt i nravy russkogo naroda v XVI i XVII stoletiiakh (Everyday Life and Customs of the Russian People in 16th and 17th Centuries)*. Smolensk: "Rusich" Publ. (in Russian).
- Levina, L.M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priaral'ia. I tysiacheletie do n.e. — I tysiacheletie n.e. (Ethnic and Cultural History of Eastern Aral Sea Region: I Millennium BC—I Millennium AD)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Litvinskii, B.A. 1973. *Mogil'niki Zapadnoi Fergany (Burial Grounds of Western Fergana)* III. *Ukrasheniia iz mogil'nikov Zapadnoi Fergany (Adornments from Western Fergana's Necropolises)*. Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.) (in Russian).
- Lubo-Lesnichenko, E.I. 1988. In Tikhvinskii, S.L., Litvinskii, B.A. (eds.). *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i ranem srednevekov'e. Ocherki istorii (Eastern Turkestan in Antiquity and Early Middle Ages. Essays on History)*. Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.), 352—391 (in Russian).
- Lukonin, V.G. 1969. *Kul'tura Sasanidskogo Irana. Iran v III—V vv. Ocherki po istorii kul'tury (Culture of Sassanian Iran. Iran in 3rd—5th Centuries: Essays on the History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.) (in Russian).
- Malashev, V. Yu. 2014. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 15, 130—140 (in Russian).
- Malashev, V. Yu. 2016. *Pamiatniki srednesarmatskoi kul'tury severokavkazskikh stepei i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroi poloviny II — sere diny V vv. n.e. (Sites of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and their Traditions in Barrow Cemeteries of the Northeastern Caucasus in Second Half of 2nd — Mid-5th Centuries AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Malashev, V. Yu., Bolelov, S.B. 2016. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Communications of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR)* 248, 91—110.
- Malashev, V. Yu., Gadzhiev, M.S., Il'iukov, L.S. 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiiskogo Dagestana III—V vv. n.e. (The Land of Maskuts on Western Coast of Caspian Sea. The Coastal Dagestan Kurgan Cemeteries of the 3rd-5th Centuries. AD)*. Makhachkala: "Mavraev" Publ. (in Russian).
- Moshkova, M.G. 2009. In Furas'ev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdv Volgoi i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians Between Volga and Danube)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty for Philology and Arts, 99—112 (in Russian).
- Nerazik, E.E. 2013. *Formirovanie rannesrednevekovogo obshchestva v nizov'ia kh Amudar'i (Formation of the Early Medieval Societies in the Lower Reaches of Amudarya)*. Moscow: "Grif i K" Publ. (in Russian).
- Rtveladze, E.V. 1987. *Drevnie monety Srednei Azii (Ancient Coins*

- of Middle Asia). Tashkent: "Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Guliyama" Publ. (in Russian).
- Samashev, Z. S., Astafiev, A. E. 2007. In Samashev, Z. S., Kurmankulov, Zh. K., Sultangaliyeva, G. S., Gutsalov, S. Yu. *Margulanovskie chteniia (Margulan's Readings)*. Aktobe: "PrintA" Publ., 132—138 (in Russian).
- Samashev, Z., Kuserbaev, K., Amanshaev, E., Astafiev, A. 2007. *Sokrovishcha Ustiurta i Mangystau (Treasures of Ustyurt Plateau and Mangyshlak Peninsula)*. Almaty: "Elchidi" Publ. (in Russian).
- Skripkin, A. S. 2017. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, and International Relations)* 22 (2), 6—13 (in Russian).
- Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnekhorezmiiskoi tsivilizatsii (Tracing the Ancient Khwarazm Civilization)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Jaksarta (In the Antique Deltae of Oxus and Jaxartes)*. Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.) (in Russian).
- Furas'ev, A. G. 2012. In *Zoloto, kon' i chelovek (Gold, Horse and Man)*. Kiev: "KNT" Publ., 449—462 (in Russian).
- Khazanov, A. M. 1963. In *Sovetskaiia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 58—71 (in Russian).
- Chuloshnikov, A. 1932. In Samoilovich, A. N. (ed.). *Materialy po istorii Uzbekskoi, Tadzhikskoi i Turkmenkoi SSR I. Torgovlia s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoe polozhenie Srednei Azii v XVI—XVIII vv. (Materials on the History of the Uzbek, Tajik and Turkmen Soviet Socialist Republics. Part I. Trade with Muscovy and the International Situation of Central Asia in 16th—18th Centuries)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Research in Archaeology of the USSR) 3. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 61—88 (in Russian).
- Arzhtantseva, I., Deopik, D., Malashev, V. 2000. Zilgi: an early Alan proto-city of the first millennium ad on the boundary between steppe and hill country. In Kazanski, M., Soupault, V. (eds.). *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Âge. Colloquia Pontica 5*. Series of the archaeology and ancient history of the Black Sea area. Leiden; Boston; Köln: Brill, 211—250.

Статья поступила в номер 5 февраля 2019 г.

Andrey Astafiev (Aktau, Kazakhstan). Mangystau State Historical and Cultural Reserve¹.

Andrey Astafiev (Aktau, Kazahstan). Rezervația istorico-culturală de Stat din Mangystau.

Астафьев Андрей Евгеньевич (Ақтау, Қазақстан). Мангистауский государственный историко-культурный заповедник.

E-mail: aasta@list.ru

Evgeny Bogdanov (Novosibirsk, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences².

Evgeny Bogdanov (Novosibirsk, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie și etnografie, Filiala din Siberia a Academiei de Științe a Rusiei.

Богданов Евгений Сергеевич (Новосибирск, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук.

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Addresses: ¹ 3 microdistrict, 66, Aktau, 130001, Kazakhstan; ² Akademik Lavrentiev Ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation